

А. Б. ПЕНЬКОВСКИЙ

КЛАССИКИ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФИЛОЛОГИИ

А. Б. ПЕНЬКОВСКИЙ

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА
ПУШКИНСКОЙ ЭПОХИ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

ЗНАК

А. Б. ПЕНЬКОВСКИЙ

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА
ПУШКИНСКОЙ ЭПОХИ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 811.161.1
ББК 81.031
П 25

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 11-04-16068д

Пеньковский А. Б.

П 25 **Исследования поэтического языка пушкинской эпохи: Филологические исследования** / Предисл. М. Л. Каленчук; Изд. подгот. И. А. Пильщиков, В. С. Полилова, И. С. Приходько; Под общей ред. И. А. Пильщикова. — М.: Знак, 2012. — 660 с. — (Классики отечественной филологии).

ISBN 8-978-9551-0498-0

В книге собраны труды А. Б. Пеньковского (1927—2010), посвященные изучению особенностей поэтического языка Пушкина и его современников. По своей общей теоретической основе, по методам и приемам комплексного филологического и лингвокультурологического анализа помещенные здесь исследования развивают и углубляют работу, начатую автором в книге «Нина. Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении» (1999; 2-е изд., 2003) и продолженную в цикле статей, опубликованных в книге «Загадки пушкинского текста и словаря. Опыт филологической герменевтики» (2005).

В задачи автора входит непротиворечивое объяснение многих, кажущихся при беглом поверхностном чтении понятными, а на самом деле «темных мест» хорошо знакомых нам классических текстов. Анализ подкрепляется обширными языковыми данными XVIII—XX вв., отражающими глубокие, но малозаметные сдвиги в языковой системе.

Книга будет интересна пушкинистам, историкам русской литературы и русско-го языка, а также всем, кто хочет глубже понять Пушкина и культуру той эпохи.

ББК 81.031

Александр Борисович Пеньковский

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА ПУШКИНСКОЙ ЭПОХИ

Филологические исследования

Издатель А. Кошелев

Художественное оформление переплета С. Жигалкина
Подписано в печать 07.12.2011. Формат 70×100 1/16. Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Таймс. Усл. п. л. 51,5. Тираж 800. Заказ №
Издательство «Знак». № госрегистрации 1027701010435.

Phone: 959-52-60 E-mail: Lrc.phouse@gmail.com Site: <http://www.lrc-press.ru>

ISBN 978-5-9551-0498-0

© А. Б. Пеньковский (наследники), 2012
© М. Л. Каленчук. Предисловие, 2012
© Знак, 2012

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Оглавление

От редакторов издания	7
Библиографическая справка	10
От автора	13

I. Загадки пушкинского текста и словаря

Об эпитафии из Э. Бёрка к первой главе «Евгения Онегина».....	21
Об «антипоэтическом характере» Онегина, или Как читать Пушкина	46
О страсти и страстях, или Умел ли Онегин любить	75
О скуке, тоске, зевоте и лени	93
«...В хронологической пыли / Бытописания земли» («Евгений Онегин», 1, VI, 10—11).....	155
«...И после ей наедине / Давать уроки в тишине» («Евгений Онегин», 1, XI, 13—14).....	172
«Так уносились мы мечтой / К началу жизни молодой» («Евгений Онегин», 1, XLVII, 13—14).....	193
«...Кто все движенья, все слова / В их переводе ненавидит» («Евгений Онегин», 4, LI, 11—12)	197
Квакер («Евгений Онегин», 8, VIII, 7)	203
«Из худших» или «из лучших»? О комментариях к строфе XXXV 8-й главы «Евгения Онегина».....	210
О чердаках, вральях и метаязыке литературного дела	226
Еще раз о вральях, а также о сверчках и кузнечиках, о кузнечно-поэтическом деле, о скандирующем чтении стихов и о поэтах-Стукодеях	262

II. Из наблюдений над поэтическим языком пушкинской эпохи

«...Тогда не мчалась ель на легких парусах...» (К. Н. Батюшков. «Элегия из Тибулла», 1811)	277
«Шумы, шуми с крутой вершины, / Не умолкай поток седой!...» (Е. А. Баратынский. «Водопад», 1820)	297
Себе на уме	355
Полежаев — Сопиков — Храповицкий	368
Тимофеевич или Никифорович?	378
«Я знаю Русь, и Русь меня знает»	384

III. О развитии скрытых семантических категорий русского языка (от Пушкина до наших дней)

О двух типах регулярной многозначности в языке пушкинской эпохи	397
О семантике наречий <i>бережно</i> и <i>осторожно</i>	401
Категория масштаба: <i>жилец, житель</i>	430
Категория масштаба: <i>захолустье, скитаться</i>	432
Категория масштаба: <i>дом</i> (малый локус)	458
Категория масштаба: <i>старина, преданье</i>	486
Категория масштаба: <i>часто — редко</i>	507

Приложение

Незавершенные работы А. Б. Пеньковского

«За ближний пень / Становится Гильо смущенный» («Евгений Онегин», 6, XXIX, 8—9)	533
«Суда летучие, торговлей окриленны, / Кормами рассекут свободный океан» (А. С. Пушкин. «На возвращение государя императора...», 1815)	547
«Имел он песен дивный дар / И голос, шуму вод подобный» (А. С. Пушкин. «Цыганы», 1824)	565
Об одной загадке лермонтовского «Булеvara» (1830)	605
Библиография	609
Указатель имен	630
Указатель произведений и писем А. С. Пушкина	646
Указатель произведений и писем М. Ю. Лермонтова	657
Перечень экскурсов	659

От редакторов издания

Прошло полтора года с тех пор, как не стало Александра Борисовича Пеньковского. С течением времени масштаб и незаурядность его личности, человеческая и профессиональная сила, нестандартность и неординарность становятся лишь очевиднее и нагляднее для нас, оставшихся. Александру Борисовичу было дано удивительное умение в привычном и обыденном увидеть неожиданное и новое. Читать и слушать его всегда было захватывающе интересно; каждое его выступление — в печати или с кафедры — было настоящим интеллектуальным праздником.

Научные интересы Александра Борисовича исключительно разносторонни — от диалектологии (его первой лингвистической специальности), фонетики и морфологии до грамматической и лексической семантики, орфоэпии, орфографии, художественной антропонимики и анализа поэтического текста. Но в последние двадцать лет жизни он сосредоточил свое внимание на фундаментальной проблеме описания особенностей поэтического и литературного языка пушкинской эпохи. В новейшем пушкиноведении А. Б. Пеньковский стал основоположником целого направления — лингвистической (или филологической) герменевтики, то есть такого подхода к текстам художественной литературы, при котором языковые данные используются для истолкования «темных», непонятных для современного читателя мест, которыми изобилуют классические произведения.

Пеньковского-лингвиста отличала необычайная чуткость к малейшим, обычно не замечаемым расхождениям между языковыми нормами нашего времени и пушкинской поры, к принципиальным, но не улавливаемым большинством читателей (в том числе читателей-профессионалов) категориальным различиям. Вероятно, в этом сказался и его громадный опыт диалектолога: умение увидеть в привычном — незнакомое, в «близкородственном» — «дальнее», в «своем» — «чужое». Благодаря этой чуткости, опираясь на обширный, тщательно собранный материал, Пеньковский в своих работах сумел прояснить множество неясных или только кажущихся ясными фрагментов и показать, с чем связаны ошибки их интерпретации, свойственные нашим современникам, а порой и современникам автора.

Многочисленные конкретные исследования и открытия привели Пеньковского к фундаментальным выводам о том, насколько значительно русский язык пушкинской эпохи отличается от языка нашего времени. Причем этот вывод носит индуктивный характер и этим принципиально отличается от простой констатации различий между разными периодами развития языка. Кажимое единство современного русского языка и языка русской литературы Золотого века сослужило дурную службу исследователям, читающим Пушкина и его современников глазами человека нашего времени, вкладывающим в тексты пушкинской эпохи характерные для нашего современного языкового сознания значения и смыслы, и тем самым закрывающим себе возможность проникновения в подлинный пушкинский текст. Научная методология и солидная лингвистическая аргументация в работах А. Б. Пеньковского позволила открыть потерянные значения слов, форм и оборотов в составе художественных текстов и решить многие сложные проблемы интерпретации не только отрывков, содержащих эти «странные» обороты, но и всего текста в целом. Замечательный филолог и пушкинист С. Г. Бочаров, напомнив о словах Л. Я. Гинзбург («Пушкинисты никогда не читают Пушкина в оригинале»), пишет в посвящении своей статьи: «Александру Борисовичу Пеньковскому, у которого мы учимся читать роман “Евгений Онегин” в оригинале, то есть на пушкинском языке»¹.

Книга «Поэтический язык пушкинской эпохи» включает наряду с новыми работами некоторые из ранее опубликованных, но к настоящему изданию значительно расширенных очерков А. Б. Пеньковского. Структура книги определена логикой работы автора. Первый раздел («Загадки пушкинского текста и словаря») составили исследования языка Пушкина; второй — работы о лингвостилистических особенностях поэтического языка пушкинской поры («Из наблюдений над поэтическим языком пушкинской эпохи»). Разыскания в области диахронической динамики семантических категорий русского языка вошли в третий раздел книги («О развитии скрытых семантических категорий русского языка»). В Приложении публикуются четыре неоконченные работы Пеньковского, посвященные изучению языка Пушкина и Лермонтова. Публикаторы взяли на себя смелость предложить их вниманию читателей не только потому, что сам автор видел их в составе этой книги. Несмотря на их незавершенный характер, они представляют безусловную научную ценность благодаря собранному в них обширному языковому материалу и проницательным наблюдениям ученого-лингвиста. Это не наброски, не разрозненные фрагменты или выборка примеров, но вполне проработанный текст, ясно вы-

¹ «Слово — чистое веселье...»: Сб. ст. в честь Александра Борисовича Пеньковского / Отв. ред. А. М. Молдован. М.: Языки слав. культуры, 2009. С. 197.

ражающий авторскую концепцию, с характерными для Пеньковского развернутыми примечаниями. Однако сюда же примыкает множество примеров, не получивших разъяснений или сопровождавшихся отдельными репликами, только фиксирующими мысль, которую предполагалось раскрыть в дальнейшем.

Статьи, объединенные общим замыслом, содержат некоторые повторы — как языкового и историко-литературного материала, так и теоретических положений. Конечно, сам автор изъяснил бы такие повторы, довел бы до филигранной отточенности каждую мысль, включил бы в поле исследования всё множество собранных им примеров, развернул бы намеченные примечания и экскурсы. Нам же остается бережно сохранить то, что имеется, и представить книгу на суд читателя.